

к 556

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОДИННАДЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ
●
ФЕВРАЛЬ 1932 г.
●
МОСКВА

ЦЕНА 25 КОП.

№ 5

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
НОМЕР

О
готовы

Ю. Ганф

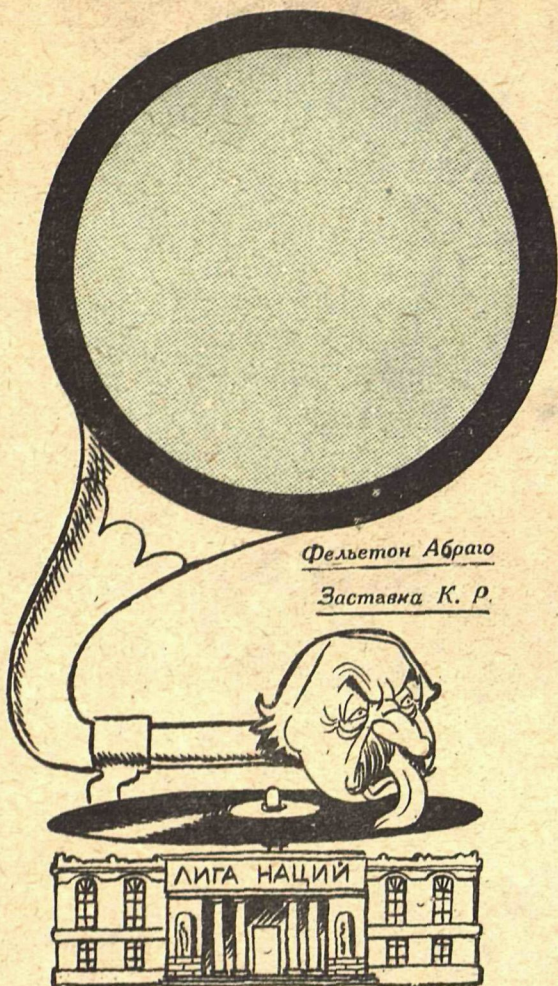
„МИРОВЫЕ“ ЗВОНАРИ

— Чем сильнее мы будем звонить о мире, тем легче подготовить войну против СССР.

К
Р
О
К
О
Д
И
Л

БОЛТОВНЕ

Кратная ланция, случайно непрочитанная в Политехническом музее

Фельетон Абрао

Заставка К. Р.

«В начале бе... слово».

Мир создавался, как известно, частями. Во время пускового периода наибольшие неполадки были с языком. Как его ни подвешивали, ничего, кроме мычания, у Адама не получалось.

Впрочем, и до наших дней у некоторых носителей вполне исправных языков наблюдается по временам непроизводительное мычание (очевидный атавизм!).

— Иван Иванович! Так вы, значит, согласны?

— Ммм...

— Значит, да?..

— Ммм...

— Может быть, нет?..

— Ммм...

Если впоследствии оказывается, что вопрос нужно было решить отрицательно, к болтуну (из породы мычащих) неожиданно возвращается дар речи: — Я прав, как всегда... Я ведь говорил!..

Кстати, о породах. Болтуны делятся на болтунов просто, болтунов цитатодных и, уже отмеченных выше, болтунов мычащих.

Последние обладают искусством быть болтунами, не произнося при этом ни одного слова.

Жаль Демосфена... Знай он, что болтать можно и нечленораздельно, ему не пришлось бы всю жизнь жевать камни, которые, как известно, особым вкусом не отличаются.

Сразу должен оговориться... Либеральное отношение к болтунам недопустимо. Болтуны — самые вредные люди.

От первого болтуна истории — змея-искусителя — одной гнилой антоновкой спродуцировавшего выселение Адама и Евы из рая —

— до последнего, технически-совершенного болтуна Карла Каутского, который вместе со своей социал-демократией предал рабочий класс. Он —

точно какой-то учитель гимназии, засохший на повторении учебников истории, упорно поворачивается задом к XX веку, лицом к XVIII и в сотый раз невероятно скучно в целом ряде параграфов жует и пережевывает старье об отношении буржуазной демократии к абсолютизму и средневековью.

Попетине, точно во сне мочалку жуешь.

(В. И. Ленин, т. XXIII, стр. 337).

В истории человечества болтали много. Болтали группами и в одиночку.

Болтавшие группы назывались сектами. Болтуны в одиночку — пророками или философами.

Болтал Аристотель. Он не признавал противоречий. Этот прямолинейный старик упрямо твердил: «Да — да, нет — нет».

Ежедневно в течение 20 лет, шагая в частную школу философии г-на Платона, Аристотель тем не менее упорно отрицал движение.

Обучайся Аристотель в любой нашей семилетке, он знал бы, что еще по Гегелю «да» — это (в за-

висимости от конкретных условий) нет, а нет — это да.

Из сказанного выше вовсе не следует, что всех философов надо считать болтунами.

Так, тов. Гераклит — свой в доску парень (в порядке болтовни от лектора), — живший за полтора века до Аристотеля, уже знал, что «все течет, все изменяется».

Но Аристотель его заболтал.

Отцы церкви в своей «божественной» болтовне, опираясь на учение Аристотеля и костры инквизиции, в течение 1500 лет сковывали движение человеческой мысли.

Так, Аристотель выполнял в истории роль горючего от философии:

— Никакого движения! Осади на тротуар!..

Есть еще болтуны попугаевидные.

Наиболее яркими представителями этой породы справедливо считаются: римский сенатор Катон, всю свою жизнь твердивший одну нудную фразу «Карфаген должен быть разрушен», и один из бесчисленных Людовиков... надцатых, изрекший: «После меня хоть потоп!» (потоп, как выяснилось, не было, чего нельзя сказать о Французской революции).

Так, одной фразой, эти болтуны вошли в историю. Последователи их оказались еще менее талантливыми..

Несмотря на все усилия авторов, нам не удалось из высказываний «главноуговаривающего» А. Ф. Керенского выцедить ни одной сколько-нибудь исторической фразы, настолько все они были истерическими.

Истерикой отмечены и право-«левые» оппортунистические болтуны нашего времени. Вся их тараканья паника перед трудностями неизменно заканчивается одним и тем же припевом:

— Темпы не реальны! Как бы чего не вышло?..

Наиболее живучим философским племенем, зарождение которого относится еще к доплатоновским временам, являются все же идеалисты.

Их философия «тишайша» и для капитализма zelo выгодна:

— В начале бе... дух. Дух есть бог (Иегова, Саваоф, Демиург, Христос, Вечный разум, Бог внутри нас, Бог около нас, Бог вокруг нас и прочая и прочая болтовня).

Бог есть обувь. Разношенная и удобная. Каждому по размеру его ноги.

И, как фасоны обуви, менялись лики бога в истории человечества.

Торговали этими идеалистическими богами (как и всем прочим) капиталисты. Почти как бубликами.

Бублик (как и всякая прибавочная стоимость) оставался у капиталиста, а дыркой от него питались трудящиеся.

Чтобы дырка казалась вкуснее, ее украшали изречениями и лозунгами.

Наиболее популярными из этих лозунгов воинствующего (против рабочего класса) идеализма были, примерно, такие:

«Всякая душа властям предержащим, да повируется» (с амвона церквей всех времен и народов).

«Несть власти еще не от бога» (из полицейских участков).

«Ты — ничто, песчинка. Твой удел быть рабом» (со страниц идеалистических трактатов по философии).

«Ниже тоненькой былиночки надо голову клонить» (из колыбельных песен, со дня рождения вбивающих младенцам покорность и смирение).

Идеализм боялся материи. Он изгонял ее из природы. Доказательств не было. Приходилось уговаривать. Предшественник Керенского, епископ Бёркли, прямо и признавался:

Если бы даже те доводы, которые мы выдвинули против нее (речь идет о материи. Лектор), были бы признаны недостаточно доказательными, то все же я уверен, что все друзья истины (?), мира (?) и религии (!) имеют основание желать, чтобы эти доводы были признаны доказательными.

(Епископ Беркли. «Трактат об основах человеческого познания». 1710 г.)

Действие идеалистической болтовни слабело год за годом.

Охотников жить святым духом становилось все меньше и меньше. Вспыхивали восстания, войны, жакерии, революции.

Усыплять массы становилось все труднее.

Но техника шла вперед. На смену примитивной, кустарной мастерской идеализма пришла, оборудованная по последнему слову техники, фабрика социал-демократии.

Фабрика лжи, лести и обмана.

Отцам церкви начали помогать отцы социал-демократии. Их основной задачей было заболтать мощное, революционное учение Маркса.

«Зачем революция, — пел основоположник ревизионизма Бернштейн, — настала эпоха мирной, парламентской деятельности. И, этот незаметно, лет через 200—300, придет и социализм».

Эпоха «мирной парламентской деятельности» и подготовила мировую войну.

Тогда-то и заболтали «сорок сороков» социал-демократии.

Заболтали во-всю:

«Мы сражаемся за цивилизацию!»

«Свободу несем мы миру на остриях штыков!»

«Мы снова возродим Интернационал завтра после войны!»

«Мы защищаем пролетариат своего отчества!»

Так болтали меньшевики в Германии, Англии, Франции, Америке, России...

Социальный заказ буржуазии был выполнен.

10 миллионов... убитых, 30 миллионов раненых во время мировой войны — вот результат «невинной» соглашательской болтовни.

История повторяется. Болтуны продолжают болтать:

«Кризис? Безработица?.. Но ведь обязанность каждого рабочего помочь своему хозяину — капиталисту. Потуже подтягивай живот, соглашайся на сокращение зарплаты, не досдай. Тогда восстановится «на земле мир и в человеках благоволение», — поучают пролетариат Гувер и Форд.

«Крах банков? Помилуйте, ведь государство их национализует. А государственный капитализм это и есть шаг к социализму» — вторит соловьем социал-демократ Гильфердинг.

«Победа социализма в одной стране невозможна. Это — миф. Пятилетка — тоже миф», — как попугай, откликается болтун-ренегат Троцкий в те дни, когда мы обсуждаем уже вторую пятилетку.

Времена меняются. Теперь отцам социал-демократии начинают помогать отцы церкви:

Польский ксендз — интервент Мешкиз-Узерский сочинил новейшую и христианнейшую молитву:

«О, господи, дай нашим рукам силу, превосходство пушкам, невидимость нашим аэропланам, текучесть и вездесущность газов.

Именем любви, которой ты нас любишь, да падет враг, как трава, скошенная твоей милостью. Да падут вражеские пули и выстрелы в траву, как ягнята, а наши, как тигры, вырвут вражеские сердца с кровью, и пусть ослепнут наши враги.

Сделай нас неведимыми на веки вечные. Аминь».

(«Правда» № 31).

Болтать становится труднее. «Болтун подобен маятнику. Того и другого нужно остановить», — сказал К. Прутков.

Мировой пролетариат уже поднял руку, чтобы раз навсегда остановить этот гнусный маятник подлой капиталистической болтовни.

Л. Г.

ГОСПОДИН ТРОЦКАУТСКИЙ, или общий язык международной контрреволюции.

К. Елисеев

БЕРЛИН Пригород. Большой зал. Люди заполнили собой все проходы. На эстраде — президиум. На кафедре — пожилой мужчина в черном хорошо сшитом костюме. Живот перерезала золотая цепочка. Когда он взмахивает рукой, на руке играют кольца. Его волосы тщательно зачесаны. Он говорит. Говорит глухо, нудно, тяжело, точно заученный урок.

Мужчина говорит о терпении, о христе, о кризисе

— Довольно! Мы больше не желаем слушать!

Председатель звонит в колокольчик и четко бросает в зал слова:

— Собрание, уважай оратора!

Мужчина в черном бубнит:

— Великий учитель призывал нас терпеть да терпеть, и сам показал нам образец великомученического терпения, именно — образец терпения!

— Довольно! Довольно! Слова!

Председатель звонит. Мужчина, не останавливаясь, равнодушно и щедро продолжает бросать в зал пригоршни надоевших слов.

— Государство вынуждено сократить вам пособие. вынуждено сократить, но ведь этого требуют интересы нашей милой, дорогой родины. Родина! О, как звучит это слово! Неужели вы поставите свои интересы выше интересов милой, дорогой родины.

— Слова! Довольно!!

Председатель звонит.

Мужчина в черном говорит 1 ч с 35 минут. Собрание возгласами рвет его доклад. Председатель звонит. Оратор продолжает. Золотая цепь дрожит на животе, кольца блестят. Толпа обессилена, толпа утомлена. Она уже не прерывает оратора. Наконец он кончил.

Председатель встает.

— Следующий!

Из дальнего угла кто-то движется. На сцену взбирается некто, изможденный, в мешковой рубашке. Волосы растрепаны. Он худ, и скулы резко выдаются. Человек взбирается на кафедру и протягивает руки к толпе. Глаза его горят. Собрание поднимается навстречу протянутым рукам. Собрание настроено. И в зал летит громко:

— Хлеба!..

Рука оратора опустилась. Опускается толпа. Но он снова поднимает руки.

— Хлеба...

Толпа взвинчена одним словом. Толпа волнуется. Толпа ждет. Председатель сжал в руке колокольчик.

Снова загорается оратор. Все ждут. И снова:

— Хлеба!..

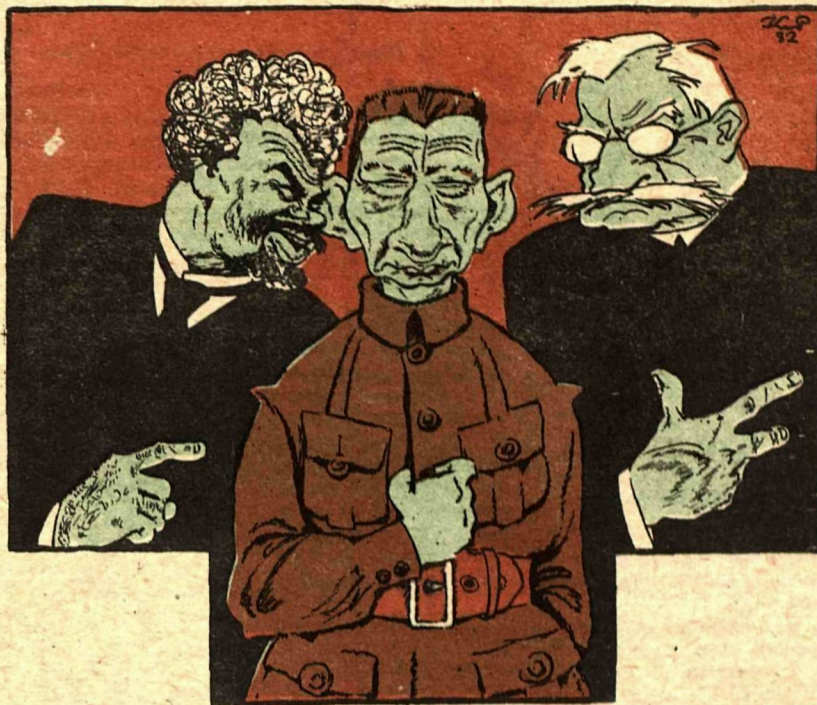
Председатель звонит.

— Довольно! — решительно говорит он. — Кончай, или я лишу тебя слова!

И, обращаясь к секретарю, он пожимает плечами:

— Невыносимый болтун!

А. Лейбман.

МИЛЮКОВ и ЧЕРНОВ (Керенскому): — Нет уж вы не отказывайтесь, Александр Федорович, без вас „Крокодил“ специальный номер о болтовне никак не выпустит.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ

ГРАНДАНКА здесь... Гранданка там...
Идет беседа по душам.

Для болтовни предлогов масса:

— Готовим мы сегодня мясо.

А вы?

— У нас с грибами суп.

Столинулась с Костей. Вот уж глуп!..

— А я видала Николая,

Свяет просто, или весна...

— Вчера у Ганкиных была я,
Им домработница нужна!

— У Зины джемпер в стиле кобры,

Узор, окраска, чудный фон!..

Ах объясните, будьте добры,

За что страдает телефон?

М. Андриевская.

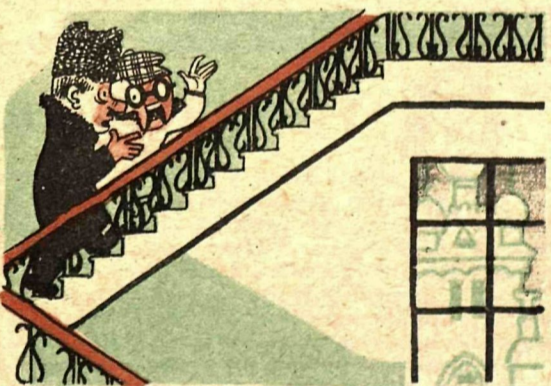
ПОКА ОНИ ГОВОРИЛИ...

(Болтовня оппортунистическая)

М. Храпковский

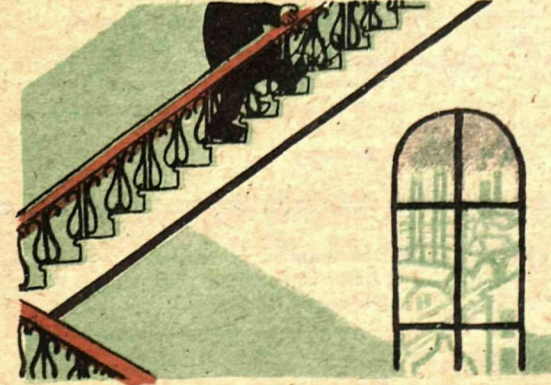
1. — Конечно, ничего не выйдет из этой постройки. Ну, возведут один этаж и останавливаются.

2. — Совершенно с вами согласен. На словах строить легко. Слова — не кирпич. А кирпича нет.

3. — И не в одном кирпиче дело. Ясно, пойдут узкие места. Ничего не выйдет...

4. — Энтузиазм, темпы! Э, батенька, одни слова. Вот помянут меня. Я ведь не болтун...

5. — Батюшки, а дом-то готов! Очевидно, мы чего-то недоучли... Придется снова потолковать... при спуске с лестницы.

Галерея классических трепачей

Фельетон Бэса

Рисунки М. Храпковского

Хлестаков

Лишь бы не работать, лишь бы не утруждать себя, лишь бы не учиться, лишь бы не одолевать трудностей и препятствий.

Вот они, бессмертные голубчики, любители жрать легкий хлеб с пайковым маслом.

Хлестаков — описан Гоголем в „Ревизоре“. Легкость в мыслях у него необыкновенная. Это он поставил мировой рекорд вранья, насчитав 35 тысяч курьеров к своей особе. Процветает Хлестаков и теперь. В одном месте он получает, как то вдруг, ни с того ни с сего 35 тысяч продовольственных карточек. В другом его — сосульку, тряпку — принимают всерьез за государственного человека и впопыхах поручают ему управление каким-нибудь овощехранилищным департаментом, пока не обнаружится, что настало время отдавать трепача под суд.

Репетилов

стей свежими и подогретыми сплетнями и антисоветскими анекдотиками. Трепачется и гадит по мере сил.

Тартарен из Тараскона — герой, выведенный Альфонсом Додэ, обладал неудержимо пылкой фантазией. При вольной и невольной помощи друзей этот сбыкновенный мелкий буржуа был провозглашен несравненным охотником на львов.

В наши дни — нашел применение своих талантов среди хозяйственников. Отгибая трудности и препоны,

ЛИТЕРАТУРА прошлого создала ряд образцово-показательных болтунов и трепачей, справедливо признанных бессмертными.

Эти болтуны оказались не только бессмертными, но и плодовитыми. Они встречаются на каждом шагу нашей бурной и созидательной эпохи.

Среди ударников, творцов, энтузиастов и подлинных героев они пролезают в жизнь эдак „петушком, петушком“ стараясь просуществовать на чужой счет, отделиваясь трепачеством, бахвальством, враньем, дискуссионной трескотней заседательской болтовней.

Лишь бы не работать, лишь бы не утруждать себя, лишь бы не учиться, лишь бы не одолевать трудностей и препятствий.

Большие дела творит Иван Александрович на театральном фронте, ловко пуская ракеты и пыль в глаза наивным провинциалам от искусства.

Репетилов, — по свидетельству Грибоедова, был большой либерал и участник тайных собраний трепачей, недовольных, якобы, положением вещей. Мастер по части каламбуров.

В настоящее время его можно встретить на квартирах деятелей различных бывших оппозиций. Там он услуживает хозяев и гостей свежими и подогретыми сплетнями и антисоветскими анекдотиками. Трепачется и гадит по мере сил.

Понимая свое ничтожество, держится в тени и черном теле. Прикреплен к определенному патрону, с коим и испытывает все превратности судьбы. Самостоятельного существования не имеет.

Что касается других мировых чемпионов трепачества, вроде, например, незабвенного Козелкова или Генриха IV, то по недостатку места мы не можем о них распространяться. Скажем только, что многие из них выбились в значительные люди и даже преуспевают, как Макдональд и Каутский, в международном масштабе.

В настоящее время его можно встретить на квартирах деятелей различных бывших оппозиций. Там он услуживает хозяев и гостей свежими и подогретыми сплетнями и антисоветскими анекдотиками. Трепачется и гадит по мере сил.

Тартарен из Тараскона — герой, выведенный Альфонсом Додэ, обладал неудержимо пылкой фантазией. При вольной и невольной помощи друзей этот сбыкновенный мелкий буржуа был провозглашен несравненным охотником на львов.

В наши дни — нашел применение своих талантов среди хозяйственников. Отгибая трудности и препоны,

— Работу нашу Упрпопоса характеризуют следующие цифры: бу-бу-бу... сто шестнадцать и четыре сотых процента... бу-бу-бу... тридцать восемь и триста восемь тысячных... ддр... прр... ффр... девяносто восемь ноль четыре... хрр... фью-ю... хррр... хрррр...

.. — Мои два часа уже истекли. Прошу дать мне еще пять минут, чтобы сказать на тему моего доклада о работе Горкомхоза.

Тартарен из Тараскона

Тартарен прибегает к помощи многокрасочных диаграмм, дутых отчетов и клятвенных обещаний, чем и живет. Любитель левого загиба. Много болтает об агро-индустриальных комбинатах и наступившем, якобы, бесклассовом обществе.

Балалайки — описан Салтыковым - Щедриным.

На гербе имел римский огурец, обвитый надписью: „Прасковья мне тетка, а правда мне мать“. В свое время стяжал себе славу проектом снабжения императорской армии ревельскими кильками.

Ныне трепачется преимущественно при общественных организациях, ловко подменяя всякую полезную и практическую работу декларациями, резолюциями, отмежевываниями и прочей словесной чесоткой.

Врет чисто, но столь быстро, что стенографистки не в состоянии записывать его словоизвержения.

Заглоба — выведен в романе Сенкевича как безобидный враль и хвастун, потерявший, якобы, глаз на фронте, а на самом деле окривевший при одном разговоре в пивной.

Сейчас водится преимущественно в провинции. Любит хвастаться своим участием в социалистическом строительстве, каковое участие сводится к устройству товарищеских попоек и к подношению юбилейных портретов.

Понимая свое ничтожество, держится в тени и черном теле. Прикреплен к определенному патрону, с коим и испытывает все превратности судьбы. Самостоятельного существования не имеет.

Что касается других мировых чемпионов трепачества, вроде, например, незабвенного Козелкова или Генриха IV, то по недостатку места мы не можем о них распространяться. Скажем только, что многие из них выбились в значительные люди и даже преуспевают, как Макдональд и Каутский, в международном масштабе.

В настоящее время его можно встретить на квартирах деятелей различных бывших оппозиций. Там он услуживает хозяев и гостей свежими и подогретыми сплетнями и антисоветскими анекдотиками. Трепачется и гадит по мере сил.

БОЛТОВНЯ НА СОБРАНИЯХ

Зарисовки М. Х.

— Тут товарищ докладчик говорил, что у нас, товарищи, имеются недостатки, товарищи. Товарищ докладчик, товарищи, сказал в общем и целом правильно. Я тоже думаю, товарищи, что в нашей работе имеются, товарищи, достижения а также, товарищи, недостатки.

— Конечно, я, как говорится, практик, собственно говоря, полагаю, что, как говорил предыдущий докладчик, что, с одной стороны, конечно, по моему глубокому убеждению, я так полагаю, что...

— Вот болтуны! Сами по три часа доклады делали, а мне едва-едва полтора дали. Хорошо, что все разошлись, а то бы я никак не уложился!

— Товарищ международный докладчик ничего не сказал о статистике Свободы. Желательно, чтобы в заключительном слове докладчик осветил данную проблему.

Балалайки

Заглоба

ОТКРЫТО собрание, а закрыть из-за тех, кто изображены на снимках, никак невозможно.

МОЗОЛИ срезаю с языков болтливых ораторов. Масса благодарностей от слушателей.

Зарисовки
М. Х.

«Дипломаты в ажитации. Градом сыплются „ноты“, „донесения“, „заявления“; министры шепчутся за плечами коронованных манекенов, которые с бокалами шампанского в руках „укрепляют мир“. Но „поданные“ отлично знают, что если вороны слетаются, значит пахнет мертвым телом».

(ЛЕНИН, «Величайший империалист и антиимпериалистическая тактика социал-демократии»).

«Лица наций есть „дом свидания“ для империалистических заправил, обделяющих свои дела за кулисами. То, о чем говорят официально в Лице наций, представляет пустую болтовню, рассчитанную на обман рабочих. А то, что неофициально делают империалистические заправилы за кулисами Лица наций, это есть настоящее империалистическое дело, фарисейски прикрываемое величественными ораторами Лица наций»

(СТАЛИН, «Беседа с иностранными рабочими делегациями»)

Очень парадные, очень важные, очень учтивые люди сидели в креслах. Седовласые и плешивые, голстые, как распаренные в кипятке сосиски, или, наоборот, поджарые, как гончие, — все они были в черных сюртуках.

Морковные щечки стариков свидетельствовали о хорошем вине, которое они пили; о диете, которую они соблюдали и о гольфе, который освежал их старческую кровь. Золотой запас лежал в ртах на месте отработанных зубов. И серебряный колокольчик вздрагивал в руке престарелого председателя.

Люди в черных сюртуках всходили на трибуну и говорили о СССР.

Они только о СССР говорили.

Они так тепло говорили о СССР, что ртуть поднялась в стенном Реомюре.

— Прискорбно знать, господа, — говорил один, — что находятся еще такие люди, которые опасаются, что Советский союз не выполнит свою пятилетку. Нет, господа, я опасаясь другого, я опасаясь, что Советский союз выполнит свою пятилетку. И опасаясь я, что он выполнит еще одну пятилетку. И так будет без конца. Я кончил!

— Нет, пусть никто не подумает, что мы завидуем, — говорил другой, — о нет! Зависть есть чувство низменное. Мы только хотели бы тоже немножко участвовать в этом симпатичном строительстве. Мы, как известно, представители капитала. А у них, как известно, капитальное строительство. За чем же дело? Кроме того, мы можем принять совершенно бескорыстное, абсолютно идейное шефство над советским рынком. Как вы думаете, господа, это не будет для нас слишком обременительно?

— Нет, нет, пожалуйста! — откликнулся зал. Третий говорил о второй угольной базе.

— Но, может быть, господа, им трудно будет справиться сразу с двумя базами? Но ведь мы не откажемся им помочь? Не правда ли? Люби ближнего, как самого себя.

— А не находите ли вы, господа, — спрашивал с трибуны очередной сюртук, — что Дон Бас звучит вполне благородно? Дон — это куда бла-

городнее, чем Товарищ. Дон Бас, но в этом есть даже романтизм, чорт возьми! А Днепрострой, Магнитострой, Кузнецкстрой, Ангарстрой, Автострой, Тракторострой...

— Добавьте к этому, — подсказали с мест, — что Автострой в Нижнем — уже действующий завод, и Сталинградский тракторный — тоже завод, добавьте к Сталинградскому Харьковский тракторный, Саратовские комбайны, Запорожский завод, Челябингрес...

— Хорошо, я добавлю, — согласился учтивый сюртук, — пожалуйста!

— Азнефть выполнила свою пятилетку в два с половиной года, — говорил следующий, — и я должен признаться, господа, когда мне принесли это сообщение, — обильные слезы выступили у меня на глазах!

— Слезы умиления? — настороженно переспросил председатель.

— Вот именно, — слезы умиления! — вскрикнул оратор, спускаясь с трибуны.

...И вдруг все услышали грохот подкованных сапог, и вдруг все увидели под металлическим шлемом жерло раскрытого рта.

— Уважаемое собрание! — гаркнул с трибуны необычный посетитель. — Вот я пришел сюда. Я военный человек. И я не люблю долго размазывать. Наш общий враг растет и крепнет. Ясно? Ясно!

...А вы что делаете, уважаемое собрание? Восторгаетесь? Облизываетесь? Умиляетесь? К чорту! К дьяволу на рога! Я военный человек. Размазывать я не люблю. Мы с вами очень хорошо знаем, как надо поступать с врагом. И я заверяю вас честным офицерским слом...

— Тише, замолчите вы, сумасшедший! — побелел председатель, — я вас лишаю слова!

Жерло рта покорно захлопнулось под шлемом.

И когда военный застучал сапогами с трибуны, старый, добрый председатель пробурчал ему вслед, качая белой головой:

— Господин военный, голубь вы наш, ну, разве ж можно такие вещи говорить? Такие вещи... делать надо, голубь вы наш, господин военный.

А. Митницкий.

← Плончик составить? Что ж! Сделаем на три „п“: с полу, потолка и пальца!

→ В центр смету надо составлять деловую. Раза в три больше. Если даже сократят две трети, то все же треть останется...

← Пусть себе болтают. Молчание — золото. Видят, человек молчит, значит — ценный человек.

→ У меня ли работа не поставлена? На всякий тезис — сейчас же и циркулярчик в массы!..

← Васька на работе, как сукин сын; треплется, а о себе жолчок. Идиот! По-моему, не работай, а пыль в глаза пусти, — вот самое главное!

→ Помилуйте, товарищи, чего вы с меня хотите? В местном — я, в Друге детей — я, в коммиссиях — я, доклады — я. Нагрузка — во! Когда же мне работать?

— Тут говорили то, се, пятое, десятое. Товарищи! Да чего там! Да — мы, да — я! Да это нам раз плюнуть! Вс!!!

КРОКОДИЛИЙ РЕСКРИПТ

Председателю Лысогогорского райпотребсоюза Бочкову и секретарю Беднову.

Мы, Крокодил первый и единственный, бич оппортунистов, враг бюрократов, гроза кооператоров, срывающих снабжение и приносящих в негодность продукты, гонитель головатяпов, совдураков и прочая и прочая, все милостивейше повелеваем: наградить орденом нашим 2-й степени председателя Лысогогорского райпотребсоюза Бочкова и секретаря Беднову.

Основание: В то время как вопросам снабжения, заготовки и хранения продуктов уделяется особое внимание, правление Лысогогорского райпотребсоюза относится к этому наплевательски, в результате чего на свет родился знаменитый отныне

Протокол № 158/1 от 1 января 1932 г.

Слушали: О тухлом сыре 250 головок.

Постановили: Принимая во внимание, что сыр нужно было отправить в Москву в августе, но не было возможности отправить, так как часто менялись кладовщики, а меня, предправления А. Бочкова, не было, были частые разъезды в Саратов, — сыр считать протухшим и пустить его на местное снабжение рабочих совхозов и МТС.

Председатель правления Лысогогорского райпотребсоюза А. Бочков. Секретарь Н. Беднова.

В воздаяние исключительных заслуг А. Бочкова и Н. Бедновой в области надевательства над рабочими — просим мы всех читателей и почитателей наших, а лысогогорских пийщиков особенно, отметить это награждение, почтив награжденных поздравлениями, составленными в самых энергичных кооперативных выражениях.

Адресовать оны: г. Лысогогорск, Н.-Волжского края, райпотребсоюз, председателю правления А. Бочкову, а копию в отдельном конверте секретарю Н. Бедновой.

На подлинном выдана нацарнапо: „Крокодил“

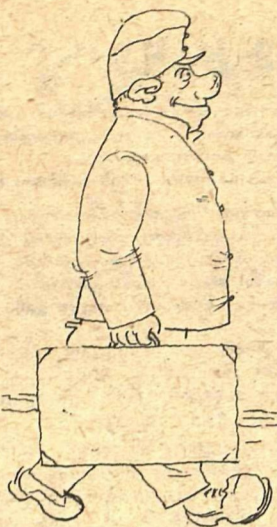
Дат 10 февраля 1932 г. в Москве, в собственной редакции.

Записки

Фельетон

Б. Самсонова

Швейка

МНОГИЕ ИНТУРИСТЫ ищут здесь, на Востоке, экзотику. Мне тоже захотелось посмотреть каких-нибудь факиров, дервишей, заклинателей или самоистязателей с их праздником шахсей-вахсей. Искать пришлось недолго. Заглянув в окна какой-то конторы, я увидел там многолюдное сборище. На видном месте за столом стоял гражданин с воспаленным взором и горячо прорицал, ударяя себя в грудки. Одет он был так же, как и слушатели, в обычный костюм излюбленного стиля Ордеро. (Швейк чего-то путает. *Переводчик*). Короткие разноцветные рукава и узкая талия пиджака свидетельствовали об испанском происхождении этого стиля. На затылке у гражданина болталась какая-то нашлепка, пышно именуемая головным убором. Вместо змеи перед заклинателем лежал на столе портфель из крокодильей кожи. Рядом с портфелем стоял графин со священной москворецкой водой. Гражданин, как я выяснил, разорился. (Швейк явно не понял выражения „разориться“). *Перев.*) Он делал это до тех пор, пока от слушателей

собрались представители служб тяги, движения, пути, связи и другие. Началось великолепное зрелище. Каждая служба могучими взмахами языка доказывала, что подвизывать проволоку она — не лакей и что это дело другой службы, привет, кстати, ее мамаше. Поезд же не двигался до тех пор, пока его не двинул другой, налетевший без приглашения. Беседа приняла новое направление.

— Брось трепаться!

Вообще для начала трепательного акта нужно многое. Со мной был такой случай: поехал я за город по Казанской железной дороге. На первой же остановке паровоз потребовал воды. Здесь у многих — чрезмерная жажда. Но у водоналивной бадьи отклепалась проволока, и бадью было неудобно подвешивать на трубу водоканчки. Очень быстро представители служб тяги, движения, пути, связи и другие. Началось великолепное зрелище. Каждая служба могучими взмахами языка доказывала, что подвизывать проволоку она — не лакей и что это дело другой службы, привет, кстати, ее мамаше. Поезд же не двигался до тех пор, пока его не двинул другой, налетевший без приглашения. Беседа приняла новое направление.

— Друг мой! Привет вашей матери! Разве вы не можете поросторожнее, — заметил начальник станции налетевшему машинисту.

— А вы чего тут стали на дороге, туды вашу обожаемую матушку! — и машинист молитвенно направил очи к небу.

И пошло, как на ученье пулеметной команды в нашем полку.

Конца сцены я не знаю. Завидя вдаль еще один поезд, я поспешил уйти пешком обратно в город.

Видов трепачества много. Самым любимым может считаться трепачество на заседаниях. Одержимые трепачеством лица бросают всякую работу, удаляются, как курильщики опиума, в какой-нибудь непрístupный кабинет и тут предаются недержанию речи. Иногда по суткам. При чем главными фокусами считаются перегибание палки, обалтывание конкретного задания и заведение его в тупик.

У трепачей сложилось много пословиц и поговорок:

„Языком болтай, а руками воли не давай“.

Намек на опасность стенографии, или:

„Язык до Киева доведет“.

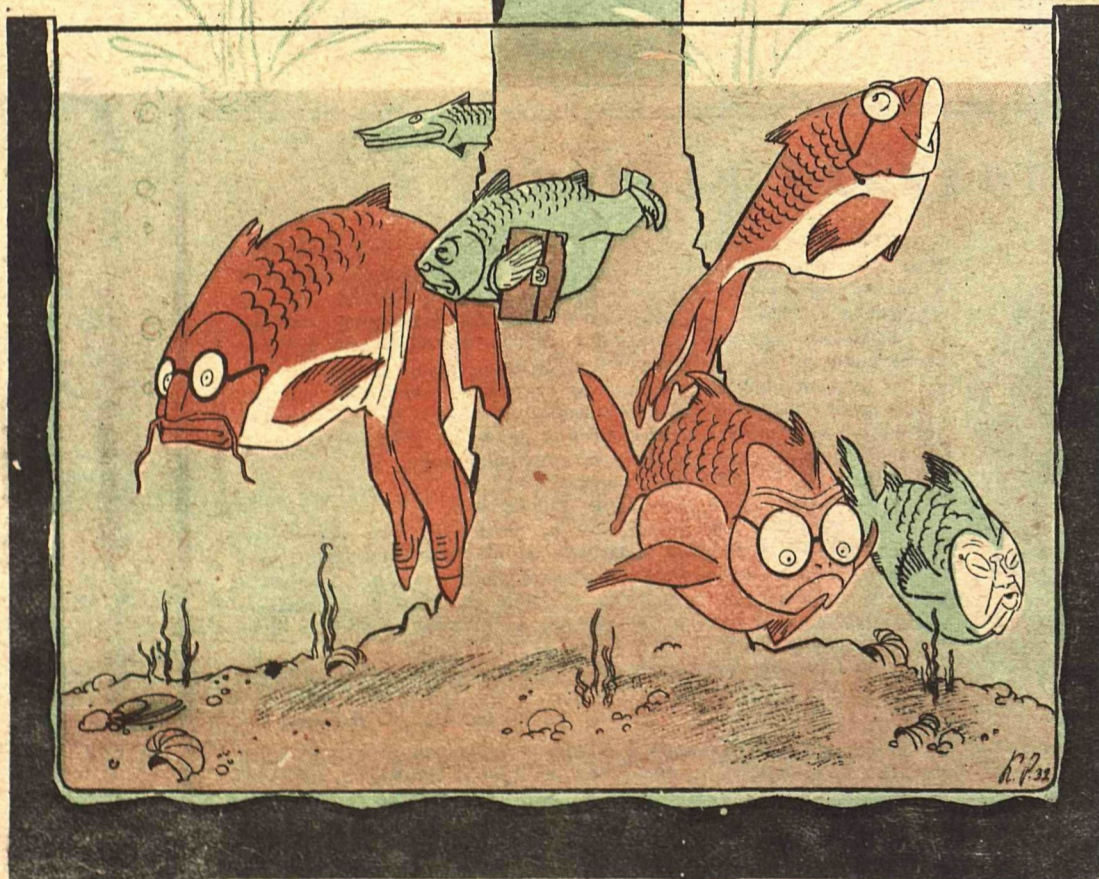
Явная переоценка свойств указанного органа и нежелание вести практическую работу на транспорте.

Я уже сам, чувствую, стал трепаться. А потому кончаю.

Перевел с чешского
Е. Самсонов.

ГДЕ БЬЮТ ФОНТАНЫ...

К. Ротом

РАЗЫСКИВАЮ
СЕСТРУ МОЮ
ЛОГИКУ
ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА
СРЕДНИХ ЛЕТ.
ДОРОГА, КАК
ПАМЯТЬ.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КРИТИК
ТРЕПИЛОВ.

СРОЧНО
ТРЕБУЕТСЯ
ТОРМОЗ ДЛЯ
ДОКЛАДЧИКОВ
в 5 лошади. сил.
ДВИГАТЕЛЬ РАБОТАЕТ.
НА ВОДЕ. ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ТОЛЬКО В СЛУЧАЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ ИЛИ СОЛНЕЧНОГО УДАРА.

ТРЕБУЮТСЯ
ОПЫТНЫЕ
ИНЖЕНЕРЫ
для постройки
ГИДРОСТАНЦИИ
НА
ЖЕНЕВСКИХ
ВОДОПАДАХ
КРАСНОРЕЧИЯ

ТРЕБУЕТСЯ
ОПЫТНЫЙ
МОЛОТООБЕЦ
для
ОСТАНАВЛИВАНИЯ
ЗАГОВОРЩИХСЯ
ОРАТОРОВ.
НУЖНЫ ОТЗЫВЫ О
ПРЕЖНЕЙ РАБОТЕ.

...ТАМ ХОРОШО ЖИВЕТСЯ ОПОРТУНИСТИЧЕСКИМ „РЫБКАМ“.

БОЛТ
ВРЕДИ

Зарисовка

Я УДАРА

ИЗЛИШНО
НЕТ,
САМИМ
НЕ ХВАТАЕТ

БУДЕТ
ЗАПА

БЕРИ
А ТО
НЕ Б

М. Черемных

В ПРЕНИЯХ
ВЫСТУПАЛИ...

(Шаржи)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

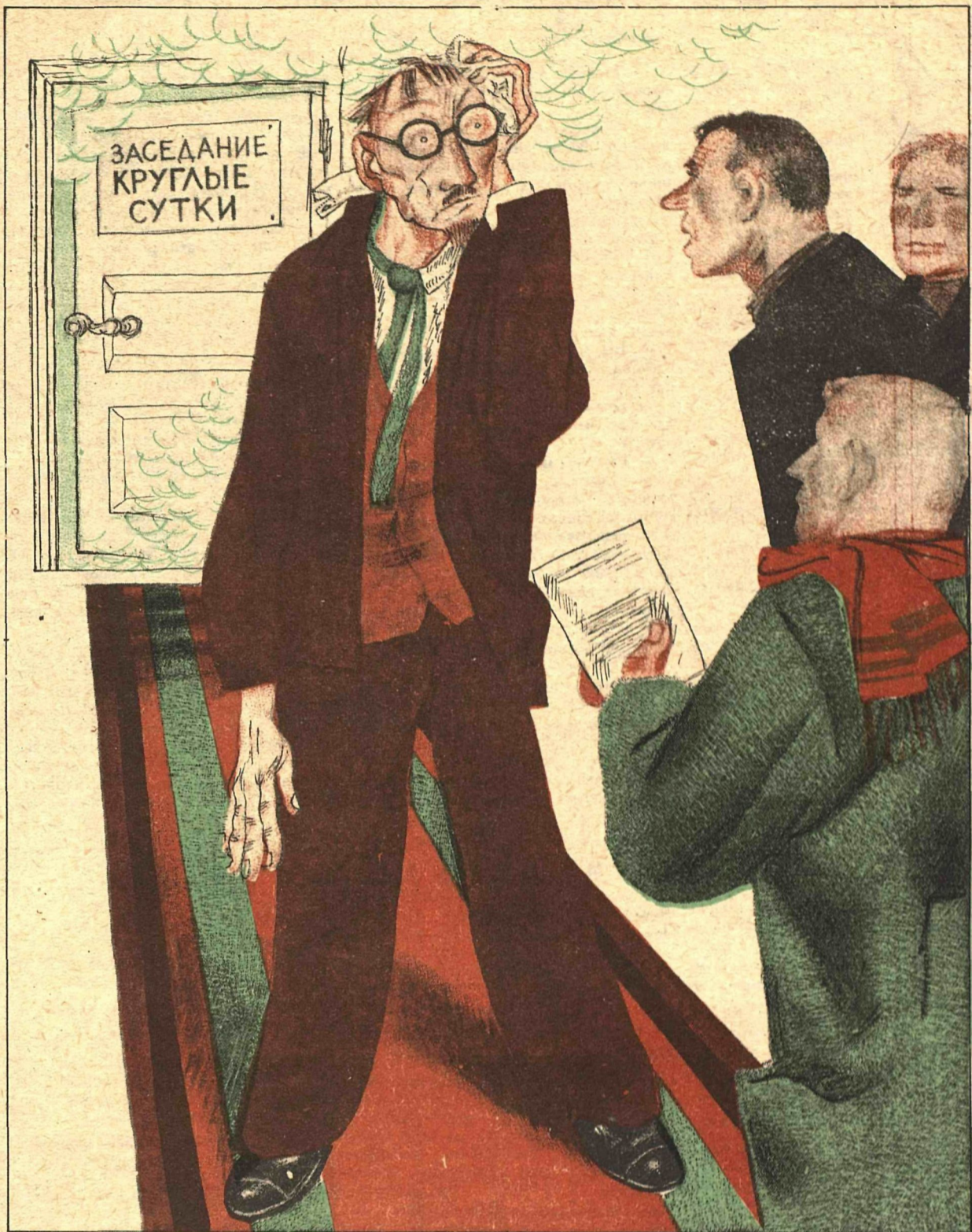
Итак, товарищи,
Переходим к прениям.
Помня о том, что у нас
Не парламент,
Прошу выступающих
Дорожить временем
И строго соблюдать
Установленный регламент.

ОГОВОРочки:

В докладе, товарищи,
Мне лично кажется,
Весьма интересном,
Но все же порочном,
Основное положение,
Мне кажется,
Не вяжется,
Может быть, я ошибаюсь,
С положением побочным.
Хотя докладчик
Ясен и прост,
Но, тем не менее,
Честно сознаюсь,
Для меня не ясен
Основной вопрос,
Хотя, возможно,
Я ошибаюсь.
В общем, мне кажется,
Данный доклад,
Постольку-поскольку
И тем не менее,
Нельзя не признать,
Как ценный вклад,
Который вызовет
Интересные прения.

ЦИТАТКИ:

Товарищи!
Докладчик обнаружил талант,
Достойный похвалы
Роттердамского Эразма.
Это же чистейший
Эммануил Кант
В небызвестной
«Критике чистого разума»!
Привожу цитату
Из упомянутого труда...
Как видите, — чистейшая
Идеалистическая ерунда!
Положение относительно
И не доказано,
Крайне субъективно
И смазано весьма.
Докладчик забыл,
Что у Гегеля сказано
О познавательной способности
Мыслящего ума.
Цитирую на память...
Далее, у Фейербаха
На странице седьмой,
Десятой, восемнадцатой...
Как видите, докладчик
В колокол бабахает,
Забыв посмотреть
Предварительно в святцы.
В результате — чистейшая
Идеалистическая буза,
Телеологическая жвачка,
Преподносимая заново.
Докладчик забыл,
Что Плеханов сказал.
А вот что ясно
Сказано у Плеханова...
Далее. У Гераклита
С исчерпывающей полнотой
И логической ясностью
Сказано в начале,
В строке девятой,

— Товарищ, вы велели мне прийти сегодня...
— Сегодня?.. Сегодня.. Позвольте, а разве сегодня — еще не завтра?

Фрагмент шестой...
Докладчик забыл...
И так далее и так далее.

НЕДОУМЕНОВ:

Не знаю, товарищи,
Может быть, я — осел
Или — дурак, может, умаян.
Вот, понимаете,
Выслушал все
И, откровенно говоря,
Ничего не понимаю.
Возможно, докладчик —
Умная голова,
Может быть, слушать
Его приятно,
Но мне, понимаете,
Или я — болван, —
Или — идиот, —
Ничего непонятно!

СГЛОБЛИН:

Вот мы прослушали
Так называемый доклад,
Потратили даром
Много времени.
А скажите, пожалуйста,
На кой ляд
И этот доклад
И эти прения?
Выражаясь мягко,
Докладчик — балда,
Отсюда ясно,
Балдиста речь его,
Преснющая

Дождевая вода.
По-моему, тут
И разговаривать нечего.
Жаль, повторяю,
Времени и труда,
Потраченных зря
На этот трезвончик.
Итак, резюмирую:
Докладчик — балда,
Доклад — ерунда.
Я кончил.

Застенографировал
на методическом
А. Архангельский.

ПРИБЛУДИЛСЯ докладчик по всем вопросам, среднего роста, с легким нервным расстройством, с 52 путевками в кармане. Через неделю считая своим.

Завульксектором ИВАНОВ.

История болезни

ДОКТОР был хмур и озабочен.

— Откройте рот, покажите язык...

«И этот насчет языка! Дался им этот язык», — обреченно подумал Водянкин, покорно раскрывая лужежную докладчицкую пасть.

— Скажите а-а-а.

— А-а-а-абсолютизм проклятого прошлого был приматом над...

— Постойте, постойте! Ведь вы не на собрании. Скажите и-и-и...

— И-и-и-изменники и предатели мирового, интернационального, международного про...

— Остановитесь, несчастный. У вас серьезное осложнение. Скажите о-о-о. Одно «о».

— О-о-о-объективные причины...

— Довольно! Расскажите историю вашей болезни, — бесстрастно потребовал доктор, сверкнув очками.

— Историю? Гм... Историю... А вы партийный? Впрочем, все равно. Некоторые истории у нас, действительно, влипли в историю, но я-то сохранил объективность. Страшно люблю все объективное, например, причины. Так вот, я рожден громовержцем, докладчиком. Потрясать сердца и стены — это моя прямая и неотъемлемая обязанность...

— Нельзя ли покороче? — мягко перебил доктор, поглядывая на часы.

— Покороче? Ну, нет! Это не пройдет. Меня никогда не ограничивали регламентом. Так вот, я и говорю, — написано мне на роду потрясать сердца и стены. Я до того свихнулся с докладами, что даже на двери собственной комнаты повесил табличку — «без доклада не входить» (в кабинет-то пришлось снять!). Прихожу домой однажды и смиренно стою перед дверью. Жду, когда вызовут для доклада.

— Вы что же это, — спрашивает соседка, — пригорюнились в коридоре?

— Да, видите, не могу без доклада. Вот честное слово! Такая уж натура.

— Нельзя ли покороче...

— Голосуя, кто за продлить? Принято единогласно. Ну, так вот, ни одно собрание ни одна кампания не обходились без меня. Ну вот, скажем, овладение техникой. Что бы они на фабрике-то делали без меня? А я заострил вопрос, проработал его и углубил. Сделал доклад. Бурным смехом встречалась каждая удачная острота. Особенно, местные примеры.

— Почему, — говорю я, — у нас энуртизаводский транспорт хромает? Очень просто. Потому что трансмиссия возложена на безответственного человека. Такую миссию можно возложить только на закаленного члена профсоюза с дореволюционным стажем (в зале шум,

смех). Или, скажем, компрессор. Он работает при большом нагреве, в то время как производство лихорадит. Значит, что нужно, — нужен холодный компрессор. Долго и пламенно говорил я по этому наболевшему вопросу. Наконец выступает слесарь Ручников и нагло заявляет:

— Водянкин оторвался от жизни. Водянкин превратился в словесную трещотку. Послать его самого на производство, пусть-ка там овладеет техникой! Это я-то — чье призвание и обязанность потрясать сердца и стены?! И что бы вы думали? — Партийный коллектив соглашается с ним.

— Да, как же это? — кричу я, — столько лет специализировался, а теперь начинать сначала?

— А специальность-то какая?

— Докладчик по всем вопросам.

— Нет, а делать ты можешь что-нибудь?

— Могу. Доклады на любую тему. Ничего не помогло. И за что такая несправедливость? Но, главное, я не за себя беспокоюсь. За производство болею, за фабрику... Как же это они теперь? Без меня-то? А? Страшно подумать.

Дрожавший от предчувствий и обиды я пришел домой поделиться с женой своими муками и огорчениями. А она меня начала прорабатывать.

— Ну, кто тебя, — говорит, — за язык тянул? Слово же воробей, вылетит — не поймашь. А ты каждый день их выпускал целыми стаями. А теперь — очень красиво. Всеми ува-

жасный докладчик — и вдруг у станка. И пошла... и пошла... Как по тезисам. Говорит час говорит два, — я молчу. Надо же дать высказаться товарищу. Наконец не стерпел:

— Демагогия! — кричу я. — Не по существу! Ваше время истекло!

А она, отчаянная демагогша, резонно заявляет:

— Ах, так, — говорит, — время истекло! А когда сам по 5 часов трепался, так у тебя не истекло время? Тебе можно пилить сотни слушателей своим красноречием, а мне одного тебя нельзя? Нет, голубчик. Я еще только дошла до существа вопроса. Мне нужно продлить время минимум на 3 часа... Кто за продление? Единогласно.

Не стерпел я, — схватил шапку и бежать. И чувствую я, — язык не ворочается. Что же это такое? Записного оратора — на производство, а жена ему будет доклады читать? Что делать, доктор? Помогите... Онемел язык, и пропало мое красноречие... Доктор... Доктор...

Он посмотрел на доктора, тот беспробудно спал, усевшись в кресле, убаюканный потоком речи странного пациента.

— Ура! — закричал торжествующе Водянкин. — Еще не все потеряно! Я еще могу говорить...

Осторожно, на дыпочках, он вышел из кабинета и стрелой умчался на очередное собрание. Он еще себя покажет!

П. Майский.

НЕОЖИДАННЫЙ ОБОРОТ

I

Над ребятами колхозов
Ветры зиму пронесли,
Зацвели мечты и розы
И гулянья потекли.
Как же им не веселиться
И с гармонью не дружить?
Эти радостные лица
Будут петь и будут жить,
Брызгать солнцем и весной.

II

— А кулак навек изжит
Вместе с классовою борьбой!

III

В тиши безоблачного дня,
С улыбкой ясной, с верой в счастье,
Стоит колхозник с бантом красным,
Стоит, как ангел у плетня:

Молитвенно ладони сжал,
Поет «Интернационал».

IV

А на полях вокруг коммун,
Наполнив баки знанием книжным,
Несется тракторов табун,
Одной сознательностью движим!

V

Трактор сеет,
Трактор жнет,
Трактор булочки печет.
Одевает,
Обувает,
Танец «яблочко» играет
И вечернею порой
Жарче девушки ласкает.

VI

Невдалеке от тракторов,
Предвидя смерть,

Предвидя крах,
В грязи,
В лохмотьях,
Как тряпичник,
С безумной ревностью в глазах
Стоит мужик-единоличник.

VII

В колхозе — хлеб,
В колхозе — рай,
В колхозе кормят мавной кашкой,
А ты ложишь и помирай,
Единоличная букашка!

★

Товарищи, ведь это пародия, Честное слово. Я ее писал, как пародию.

Я отнес эту пародию в ГОМЭЦ. «Пусть артисты читают ее с эстрады», — думал я. Я был наивен и хотел этим предостеречь литераторов

от возможных ляпсусов! Как я ошибался! В ГОМЭЦ стихотворение приняли с восторгом.

— Ну, что за чепуха! Какая же это пародия? — сказали мне.

— То-есть как не пародия?

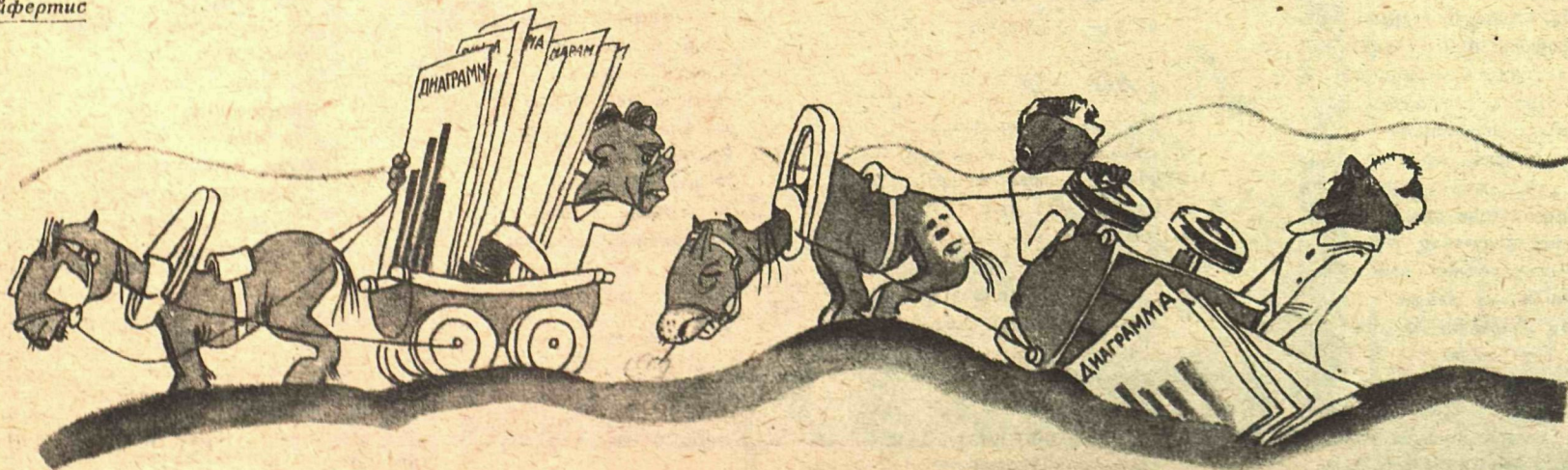
— Очень просто. Это самое настоящее хорошее деревенское стихотворение. Его можно даже будет разыграть в костюмах.

Все мои уверения о пародийно-сатирическом характере стиха ни к чему не привели. Он был взят и использован как «колхозные этюды» с музыкальным сопровождением.

Я слышал, что номер пользовался большим успехом и имел сильное влияние на творчество гомэцких поэтов, взявших его за образец.

Илья Рабинович.

Соффертис

— Безобразия! Хотел в области блеснуть отчетностью о дорожном строительстве, а проклятые ухабы все диаграммы поубьют...

СУГУБАЯ ХИМИЯ

НА ОДНОМ из заседаний заслушивался доклад о кадрах. Докладчик, наполовину скрывшись за баррикадой полновесных ведомостей, в течение полутора часов обоблакивал заседание паутиными данными. Цифрами он убеждал и опровергал. Ими иллюстрировал и потрясал. На них ссылался и выезжал. Уже через пять минут в головах слушателей получилась замысловатый цифровой салат.

В таком состоянии заседающим особенно удаются замысловатые профили и пятиконечные звезды на блок-нотах.

Наконец, председатель особенно решительным жестом прекратил цифровой водопад и спросил:

— Киевский институт сахарной промышленности выпустил 136 специалистов. Вы не скажете, где они работают?

Докладчик с готовностью ответил: — В сахарной промышленности! — Вы в этом уверены?

— Ну, конечно! Где ж им больше работать? — и докладчик слегка пожал плечами.

Сидевший со мной рядом молодой паренек, который во время доклада держался как-то особенно беспокойно, неожиданно фыркнул и быстро вышел из комнаты.

Узнав этот инцидент с безапелляционными ответами докладчика, я последовал за ним.

В коридоре мы закурили. Паренек дружелюбно посмотрел на меня и сказал:

— Ну, и натрепал же докладчик... — А почему вы думаете?

— Видите ли, я работаю в трикотажной промышленности, а окончил Киевский институт, о котором шла речь. А теперь слушайте.

На днях встречаю своего приятеля Рейнского, с которым одновременно закончил этот самый институт. Деловой такой хлопчик. Интересовался сахаром до галлюцинаций. Спрашиваю:

— Как работаешь?

— Ничего, — отвечает, — привыкаю. Вначале трудновато было, дело незнакомое...

— Как незнакомое?

— Так, незнакомое. В институте насчет угольной промышленности...

— Одну минуточку: ты где работаешь?

— В Институте углей, инструктором. — Вот как?! Ну, а где Петриченко? Помнишь инженера-химика?

— Как же, как же. Знающий был инженер. Работает теперь на кондитерской фабрике в Киеве.

— Ишь ты! Все-таки по сладкому делу пошел... А Бондаренко?

— Бондаренко — на механическом заводе в Донбассе. Нето мастером, нето зав. столовой.

— А помнишь Ржавского?

— Помню. Он на сахарном заводе, по специальности.

— На каком на сахарном? Он там один сезон работал, а теперь на хлебозаводе.

— Все-таки по пищевой пошел. Кивни, говорят, инструктором в обществе «Техника массам»?

— Уже сняли. «Не по специальности, — говорят, — работаешь», и перевели в пиротехническую мастерскую. Теперь бенгальские огни и римские свечи делает.

— Ну, а Кокубенко? Жив Кокубенко?

— Погиб и Кокубенко. Посадили на стул в аппарате треста...

— А славный инженер был, — пошутил голову Рейнский и раздумчиво повторил:

— Добрые были химики!..

★

Рассказчик уныло усмехнулся: — Если не верите, — идите в отдел кадров Союзсахара, — и он попрощался со мной.

Сходил я в Союзсахар. Мне там сказали:

— Мы не допускаем такого положения. Хотя возможны отдельные случаи. Но вместе с тем целый ряд наших директив дает ясные установки, хотя мы и допускаем искажения их на местах. Однако мы с благодарностью принимаем во внимание ваше заявление и в неподходящем времени мы примем все меры и проверим...

Тут я их перебил:

— Уже проверено. Втирайте очки другим. Но больших успехов на этом пути теперь не встретите. Судя по линии поведения, вас ожидают крупнейшие неприятности. Остерегайтесь ходить по Ильинке: там находится РКИ. Но вы еще молоды и, если перестанете крутить шарики, можете выбраться на верную дорогу. До свиданья!

Ал. Каюров.

ХОДИТ БОЛТУН ПО ЗАВОДУ

Евдок

ПОДОЙДЕТ к Алим-нацменке, Трясет бородежкой рыжей: — У нас на заводе расценки, Я полагаю, всех ниже.

Пример у него наготове, И долго бубнит оголтело, Как зашибал он в Ростове В месяц по тысяче целой.

И здесь он «примерный рабочий», С работой «ударной» знаком он... Путевочку в Крым или в Сочи Ему обещал предзавкома.

К трепотне у станка — привычка: То с одним, то с другим посудачит, И к парню приклеилась кличка: «Радиорупор ходячий».

Болтуну ничуть не стыдно Оттого, что мешает рабочим... У него язык, очевидно, Выходной бывает... лишь ночью!

С. Дорофеев.

ПЕРЕД УПОТРЕБЛЕНИЕМ БОЛТАТЬ.

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ

Н У, КЕМ БЫ мог быть теперь Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга? Ну, каким-нибудь совслужащим. И как бы он стал хвастаться, попав в районное общество? Вероятно бы так:

— Да, район, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Ленинградом! Эх, Ленинград, что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю? Нет, зав со мной на дружеской ноге... Я ведь тоже разные обзоры малых форм... литераторов часто вижу... Я, признаюсь, литературой существую... Балы дают. Суп в кастрюльке приехал прямо на пароходе с фабрики-кухни... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю: ответработники губернского масштаба толкуются... Один раз я даже управлял откормхозом. Зав уехал, куда — неизвестно! Ну, натурально, ко мне. И в ту же минуту по улицам — уборщицы, уборщицы, уборщицы... Можете представить себе, 35.000 одних уборщиц!

И верили городничие, вдыхали Марьи Антоновны... Но, вот не Иван

Александрович и не Хлестаков; а товарищ Березуцкий — директор третьей кондитерской фабрики. И не в район он приехал, а здесь же, в Ленинграде, говорил сладкие речи о конфетах своей фабрики:

— Вы думаете, мы выполняем только на все сто? Нет, у нас бурный поток соревнования и ударничества... Энергичная работа техперсонала, неустанная рационализаторская мысль... Мы — лучшая фабрика Выборгского района, да что района... Мы — лучшее кондитерское предприятие Советского союза и даже в мировом масштабе...

— А ва-ва-ва... Вот вам золотые часы, товарищ Березуцкий!

— Что, часы? Это хорошо. Я люблю золотые часы...

И директор третьей кондитерской фабрики Березуцкий получил золотые часы...

А когда на этих часах стрелки показывают 11 или 12, в кооперативы развозят кондитерскую продукцию третьей фабрики. И завмаги категорически отказываются от нее:

— Что, конфеты третьей фабрики? Ешьте сами! У нас и крысы их даже не трогают... Товарищ Иван, пускай они заворачивают оглобли...

Тихо и мерно тикают золотые часы Березуцкого. Если приложить их к уху, то среди тиканья можно услышать слова из дела о третьей кондитерской фабрике, находящегося у прокурора Выборгского района:

Фабрика находится в ужасных антисанитарных условиях. В заготовочном цехе на полу скопилось вода и грязь. Производственный брак достигает огромных размеров. Часть продукции фабрики представляет собой бесформенную слипающую массу. На фабрике при обследовании обнаружено 63 тысячи килограммов брака. Конфеты завертываются в пыльную оберточную бумагу. Кондитерские изделия упаковываются в сырые и иногда грязные ящики.

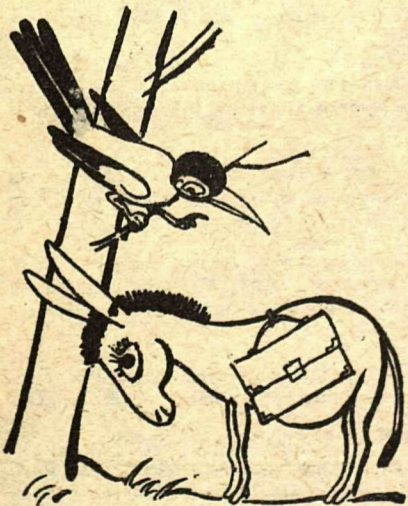
Хлестаков так и не отдал денег городничему и чиновникам, не отдал сахарных голов, не отдал кузова вина купцам...

Березуцкому придется отдать обратно золотые часы. Не то время!..

В. Тоболяков.

СОРОКА И БОЛТУН

А. Генц

СОРОКА: — Еще 6 ты боле навострился, когда бы у меня немного поучился.

ДОКЛАДЫ С ПОПРАВКАМИ

НАГЛЯДНЫХ выкладок запас На диаграмме ль, на плакате ль) Осапка, бархатистый бас, — Таков болтун-очковтиратель.

★

«...Товарищи! Позвольте мне, В два счета приступив к докладу, Рапортовать о чугуне За нашу прошлую декаду. Подобно острому ножу, Кроисает нас регламент скромный, Но я вам вкратце расскажу О достижениях нашей домны. Без кропотливого труда Стране не дашь побед больших ты: У нас поставлен хоть куда Химический анализ шихты... Мы кокс исследовали весь, И, в цифрах уничтожив вольность, Мы до одной миллионной здесь Учили и крепость в нем и вольность.

Довольно! Охлаждаем пыл Ледяшкой маленюшкой поправки!

Анализ верно сделан был, Но через сутки... ПОСЛЕ ПЛАВКИ!

★

Товарищи, зачем слова, Когда пред вами этот график?! На паровозе «С-102» Найдите хоть малейший штрафик. Угля сберег он пару тонн — Гордиться может им Дорога: За целую декаду он Не дал ни грамма пережога! — Друг паровоз! (красивый жест И пауза на полминуты) — Займи одно из первых мест И прогони на всю страну ты!

Довольно! Уточним вопрос, Поправочки не провороньте: Сберег нам уголь паровоз, Но потому что... был в ремонте!

★

Итогов лиловых запас (На диаграмме ль, на плакате ль), Осапка, бархатистый бас, — Таков болтун-очковтиратель.

В. Гранов.

НАШ ПРИХОД — ЭТО ИХ РАСХОД.

„ДУШКА ГЕГЕЛЬ“

В ПЕРЕДИ шли две знакомые мне актрисы. Арбузные хвостики их беретов торчали в разные стороны. меховые воротники изящно воздымались и затем изящно ниспадали. Актрисы оживленно разговаривали:

— А что он говорит про материю? — скороговоркой спросила одна.

— Ж'ужас! (Очевидно, это должно было означать «это же ужас»). — Ж'ужас! Он не хочет о ней слышать!

— Что вы говорите! Что же он говорит?

— Про материю? Всякие гадости.

— Какая наглость!

«Вот типичная болтовня актрис, — подумал я. — Материя, фасоны, поотпахиваю...»

Между тем актрисы продолжали разговор:

— Но он ведь не может отрицать, что материя существует?

— Да, но этот кривляка верит в существование души!

— Какая наглость!

— Ж'ужас, ж'ужас! Если бы я могла поговорить с ним хотя бы полчаса, я бы ему доказала все на свете, я бы его заставила отказаться от этой души!

— Совершенно верно. Ведь вот я отказалась от существования моей души, не вообще какой-то там души, — это гораздо легче, — а именно моей.

— Конечно! И вся наша группа также!

— И потом заметьте: какая у меня была душа и какая у него? О его душе никому ничего неизвестно. А мне все знакомые всегда говорили: «У Ирины Сергеевны такая замечательная душа, такая душа!!!» И после этого на занятии товарищ Климонов говорит, что души не существует. Я прихожу домой, плачу всю ночь, — вы, пожалуйста, об этом никому не говорите на занятиях, — и с утра звоню всем моим поклонникам, чтобы они не смели думать, что будто бы у меня есть душа да еще хорошая. Можете себе представить, как это тяжело?

— Ж'ужас, ж'ужас!

— И после этого этот кривляка смеет говорить, будто душа есть! Какая наглость!

Тут я не выдержала и, обменявшись поклоном с актрисами, спросила:

— Скажите, кого это вы так ругаете?

— А философа Беркли. Когда я прочитала, что

он говорит про душу, я так расстроилась, что я стала форменный комок нервов. Ведь нервы, кажется, еще есть, их не аннулировали?

— Напротив, теперь каждый день придумывают все новые нервы. Нервы и железы. Железы и нервы!

— Позвольте, — взмолился я, — да почему вам пришло в голову заниматься философом Беркли?

Обе актрисы стали отвечать сразу:

— Во-первых, не философом Беркли мы занимаемся, а всеми философами сразу.

— И даже не философами, а диаматом.

— Да, да, теперь во всех театрах...

Одна из актрис улыбнулась и ехидно сказала:

— А в Академическом драмтеатре есть свои кружки, так туда на занятия пришла одна актриса, — я не буду называть ее фамилии, — так она пришла и спрашивает лектора: «Правда, что теперь домны уже не ввозят из-за границы, а делают у нас в Союзе?..» Понимаете, она, значит, и не знает, что домны никогда не ввозились из-за границы, а всегда делали на «Красном путиловце» для всей страны.

Актрисы звонко и самодовольно рассмеялись. Затем обе, как по команде, излекли из сумочек зеркала, огляделись и продолжили:

— А потом был еще такой уклонист Декарт. Он придумал бог знает что. Он говорил: «Я думаю, значит, я существую». А я вот очень часто ничего не думаю. Просто сижу после обеда и ничего не делаю, меня еще Юра иногда спрашивает: «Ирина, о чем ты думаешь?» А я не могу ему ничего ответить, ну, потому, что не думаю. Так что же, значит, я тогда не существую? Какая чепуха!

— Ж'ужас! Ж'ужас! Зато вот Гегель настоящий душка. Он все понимал и про диалектику, и про базис, и про надстройку. Не хуже нас. Но только его надо поставить на голову.

— Как — на голову? Зачем же ставить человека на голову?

— То-есть не на голову, а на ноги.

— А что же он сам на голове, что ли, ходил?

— Не знаю...

— Славу богу: это же философ, а не циркач. Циркачи — те иногда ходят на голове. А философы — никогда.

— Я знаю... Но только мне Ольга Кубовская сказала, что с Гегелем что-то надо сделать. Не то на голову поставить, не то на ноги. Ж'ужас!

— Наверное, она просто перепутала с кем-нибудь еще из своих знакомых. Лучше скажи мне, какая разница между эмпирио-критицизмом и хвостизмом?

— Сейчас, сейчас, дай подумать... Хвостизм. Это, когда сзади, а эмпирио-критицизм, когда... когда...

Актрисы завернули за угол.

А я подумал о том, как изменила наша эпоха даже болтовню актрис. И не только болтовню, потому что ведь не все актрисы болтают. Многие по-настоящему сейчас постигают идеи, о которых раньше и не слышно было за кулисами.

СОВЕТ БОЛТУНАМ

ЭТОГО ОРДЕНА СТАРАЙТЕСЬ НЕ ПОЛУЧАТЬ!

ВИЛЫ В БОК

СОЮЗБЕСТРАНС

— Чем занимается Союзтранс?
— Перевозит грузы, — ответит читатель из недогадливых.

Со всем наоборот...

По мере своих скромных сил он старается их не перевозить. Всего навсего 2.200 тонн груза не вывезено Союзтрансом со станции Московского ула.

Антрацит, клюква, сапоги, велосипеды, консервы, яблоки, вата, яйца, импортное оборудование — все это входит в винегрет бесхозяйственности, изготовленный искусными поварами Союзтранса.

— Как перевозит грузы Союзтранс?

— Автотранспортом... — ответит читатель из недогадливых.

Ничего подобного. На то он и Союзтранс, чтобы растерять добрую половину своего транспорта.

Спросите у тов. Швайка. Он — начальник автогужевого управления и, судя по его ответам ударникам «Правды», приходится двоюродным братом неизвестному Швейку.

— Почему плохо вывозили грузы? — Потому что на 360 работающих машин 280 в ремонте. — Почему в ремонте? — Потому что чинятся. — Почему долго чинятся? — Потому что мастерские еще не организованы. — Почему нет своих мастерских? — Потому что мы еще очень молодые. Союзтранс всего 2 года. Почему, почему, почему, — вдруг разозлился Швайк:

— Один умный может задать столько вопросов, что сто дураков не ответят. А я один. У меня не десять рук...

«КОМСОМЛКА-КОКЕТ»

Некоторые работники искусств несколько неожиданно поняли проблему реконструкции театра.

На совещании театральных хозяйственников и режиссеров Западной Сибири после страстных прений были утверждены новые актерские ампауа:

Вместо аннулированных фатов, салонных любовников, гранд-дам неожиданно появились (цитируем точно):

«Социальный герой — резонер»;

«Комсомолка-коклет»;

«Герония (хищница)».

А простак-любовник реконструировался в «актера с красивой фигурой».

Не знаю, как насчет фигуры, но одна необходимая для мышления конечность у автора этой болтологии определенно отсутствовала.

БОЛТУНЫ С МАСЛОМ

Болтать можно не только языком, но и на бумаге:

Зам. предправления «Союзрасмасло» т. Бардазанов составил экономическое обоснование постройки маргаринового завода в Сталинграде.

Дело шло, как по маргаринч...

На основании другого экономического обоснования того же т. Бардазанова «Союзрасмасло» прекратил постройку завода. Израсходовано впустую свыше 200 тыс. рублей.

Будет ли составляться экономическое обоснование дальнейшего пребывания тов. Бардазанова в «Союзрасмасле»?

КТО ГРОБ?

Выписки из протоколов бывают разные. Но вот такой еще не было:

Выписка из протокола заседания Череповецкого горкома работников искусств от 18 декабря 1931 г.

Слушали: о председателе горкома Рабис. Постановили: довести до сведения Леноблрабиса и президиума РСФСР, что на сегодняшний день всякая организационная, производственная и массовая работа отсутствует. На всю работу группкома союза Рабис наложен гроб.

Некий актер, давсь на репетиции буфеторским бутербродом, узнав о вышеописанном, весьма кстати заметил:

— Где стол бы яств, там гроб стоит...

ПРИСКОРБНЫЙ СЛУЧАЙ

Поварам и заведующим столовыми обеды обычно доставляются... из дому. Так спокойнее.

Этого нельзя сказать о сотрудниках Союзспирта. Они без всякой опаски пробуют продукцию своего предприятия и притом, очевидно, в дозах отнюдь не гомеопатических.

Союзспирт разослал телеграмму по 45 тыс. адресам, а потом отменил ее тоже телеграфно. Стоило это удовольствие около 350 тыс. рублей. Уволен был со службы конечно... экспедитор. Главные виновники этой неувязки получили только выговор.

Уходя из Союзспирта, означенный «стрелочник» укоризненно по их адресу заметил:

— Пей, да дело разумеи!

Для памяти 193...

Месяцы моего доклада

1. О кризисе вообще и о кризисе на Фиджийских островах в частности. О кризисе вывоза угля из Аргентины.
2. О пользе и преимуществах минерального удобрения, об использовании полей далами, пшеницы.
3. Значение равнинных животноводства и использование вавилон при этом 100% земель труда.
4. Угасание техники в строительстве. Строительство и проблема кадров. Проблема подготовки кадров для строительства.
5. Развитие автомобильной промышленности в СССР и вывозе электрических гаечных ключей в 1932 г. (содержит историю того же электрического гаечного ключа, который уже вывезен, сделать паузу для смеха).
6. Увеличение активности работы на селе, непригодность старых методов работы.
7. Об инициативе выведения птиц и экзотических животных (развитие).
8. Развитие железнодорожного транспорта. Крушение на Кавказе ж.д. Крушения в Германии, Англии и СССР в 1927, 1928, 1929 и 1932 гг. (Сравнительные данные). Метрополитен в Берлине и в Москве.
9. Для памяти тема моего доклада — Работа Элейки МОТР за 3 месяца.
10. Мне кажется я не успею в реале...

Дружеские толки

Дружеские толки

40
9/1/11

5661

АРХИВ
21 6 ФЕВ 1932
Г. Ц. К. П.

В. Козлинский

Для конференции по разоружению в Женеве
выстроено 5 новых отелей.

СТРОИТЕЛЬСТВО ДО КОНФЕРЕНЦИИ...

В. Козлинский 1932г.

... И СТРОИТЕЛЬСТВО ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ...

[Handwritten signature]